

8

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ!

Однажды вечером, когда я дежурил в качестве врача-ассистента, мне встретилась милая пожилая женщина, которая сказала, что она из Голуэя. После того как я назвал свое имя, ее лицо просветлело, и она принялась рассказывать мне о моем дедушке, Шоне Табриди, который был родом из Оранмора. Он получил диплом врача в Голуэе и выучился на терапевта. В стремлении подзаработать молодой мужчина успешно подал заявку на должность в отдаленном прибрежном районе Коннемара под названием Бил-ан-Дэнган, где требовалась замена для главного терапевта, который собирался в ежегодный отпуск.

Шон прибыл за день до того, как приступить к своим обязанностям, и уже принимал дела от коллеги, когда позвонили в поисках *лекаря* с одного из близлежащих ирландоязычных островов. Могу только представить его волнение — вряд ли он до тех пор когда-то добирался «по вызову» на лодке, — но местный врач пообещал, что сам займется этим случаем, чтобы «подчистить дела» для Шона. Старший терапевт вместе с местными лодочниками отправился в путь на куррахе — небольшой утлой лодке,

сделанной традиционным способом путем натягивания шкур животных на деревянный каркас. Ночью в море случился шторм, и никто из них не вернулся. Впоследствии тела выбросило на берег.

В нашей семье принято относить этот случай к серии «Осторожно, двери закрываются!». Если бы мой дедушка плыл на той лодке, мой отец не появился бы на свет, и, конечно, меня, моих братьев и сестер никогда бы не было. До рассказа случайной знакомой я не слышал эту историю. Затем мы с родственниками удостоверились в ее подлинности, и с тех пор она живет в нашей семье. Элемент случайности пронизывает все наше существование. В нем сочетаются непостоянство и удивительные совпадения. Шон стал известным терапевтом в Голуэе и в один прекрасный момент был избран в Палату представителей Ирландии, чтобы отстаивать интересы жителей родного города.

Спустя годы другая пожилая пациентка упомянула о «камнях Табриди» в родном районе Коннемара.

— Что они из себя представляют? — задал я невинный вопрос.

— О, разве вы не знаете? — она посмотрела на меня заговорщицки, — ваш дедушка бывал по вызову в очень отдаленных районах сельской местности. У большинства семей если и были деньги, то немного, поэтому вместо платы за прием его кормили и поили.

Женщина улыбнулась.

— В то время у нас еще не было электричества и уличного освещения. Однажды произошел забавный случай, когда он... — она одарила меня выразительным взглядом, — ... перебрал немного, и мы покрасили камни на дороге в белый цвет, чтобы ваш дедушка не сбился с пути!

— Вы имеете в виду, он был пьян? — спросил я.

— Ну что вы! — сказала пациентка. — Просто такова была жизнь тогда.

Мой дед умер в возрасте сорока двух лет от сердечного приступа. С тех пор, как я узнал о событиях, произошедших с врачом, которого он замещал, мне иногда в голову приходил вопрос: повлияла ли на него близость смерти и чувствовал ли он вину за то, что выжил, когда другие погибли? Возможно, его преждевременная смерть была спровоцирована переживаниями из-за этих печальных событий и слишком большим количеством выпивки.

Мой отец много лет вел практику психиатра в Дублине. Он специализировался на помощи людям с алкоголизмом. Мне всегда было интересно, насколько осознанно он выбрал профессию и насколько его решение связано с историей его собственного отца, который умер, когда ребенку было три года.

В детстве мы с братьями и сестрами ходили вместе с отцом и нашим энергичным ирландским рыжим сеттером в больницу, где папа проводил воскресные обходы. Это давало нашей маме драгоценные часы спокойствия от урагана, который обеспечивали пятеро маленьких детей. Отец ставил машину на стоянке, и мы бегали по прибольничной территории. Мы собирали сосновые шишки у собора Святого Гавриила или Иоанна Богослова, которые в тот же вечер сжигали в камине гостиной, а наш четвероногий друг преследовал несчастных птиц, не давая им ни минуты покоя. Нередко к нам выходили дворник, монахиня или священник, пытаясь понять, что творят эти дикие дети и их бешеная собака. Сейчас мне кажется забавным, как моему бедному папе приходилось, переступая через порог психиатрической клиники, переключаться из режима родителя в режим врача, в то время как мы буйствовали на улице.

Впрочем, не всегда в его работе все было столь сурово. Однажды, много позже, я стал свидетелем настоящего погрома в отделении для буйных одной из клиник, где он

работал. Тогда я подумал, как это, должно быть, неприятно, когда приходится переключаться с веселой прогулки, общения с детьми и игры с собакой субботним утром на боль и отчаяние пациентов, которых он навещал. Измученный, он возвращался в машину и закуривал первую из множества сигарет. Еще эти пятеро детей и рыжий сеттер, будь они неладны — прямо сцена из сериала «Безумцы».

В те времена еще не было мобильных и интернета. Я с улыбкой вспоминаю, какой подъем эмоций вызывал громкий звонок единственного домашнего аппарата, который стоял в прихожей. Информацию из телефонного справочника о нашей семье пришлось удалить после серии ночных звонков от пациентов отца, которые снова пустились во все тяжкие. В них бурлила злость — на собственную неудачу, на доктора, который подвел, — и они начинали по пьяни названивать нам. Телефонные трели разносились по всей квартире, и мы просыпались от шума. Я знал, как сильно это расстраивало папу. На следующее утро после таких звонков он выглядел немного молчаливее, чем обычно, а для нас жизнь шла своим чередом.

В 1970-х и 1980-х годах психиатрия претерпела кардинальные изменения. Студенты-практиканты, которых я позже встречал, иногда называли отца «старой школой» — возможно, комплимент сомнительный, но его философия была простой и понятной: слушать, слушать и еще раз слушать. Фильм «Пролетая над гнездом кукушки» вышел в середине 1970-х годов и моментально разлетелся на цитаты. Электросудорожная терапия, обычно называемая электрошоковой, относительно часто применялась в психиатрических больницах по всему миру, и Ирландия не была исключением. Считалось, что она помогает людям с тяжелой депрессией, когда препараты не дают положительного результата. От изменений, произошедших с персонажем Джека Николсона Рэндлом Макмерфи, мурашки бежали

по спине у большинства зрителей, и весь мир был напуган тем, что может произойти «в психушке». Любую медсестру, которая проявляла чуть меньше нежности и чуткости хотя бы раз, жестоко называли «медсестрой Рэтчед» в честь бессердечного персонажа из фильма.

Отец рассказал мне, что он много раз участвовал в проведении электросудорожной терапии. Эта процедура кажется жестокой и бесчеловечной, но он заверял, что в процессе все контролируется гораздо качественнее, чем было показано в фильме. У некоторых из его пациентов, которые годами страдали трудноизлечимой депрессией, облегчение наступало только после курса такой терапии.

Папе очень не нравилось, когда его спрашивали о работе вне стен клиники. Отчасти, полагаю, это было связано с восприятием профессии психиатра в обществе. Он говорил, что присутствие подобного специалиста тотчас вызывало опасения, что он будет видеть окружающих как пациентов и ставить диагнозы направо и налево, поэтому временами, должно быть, ему приходилось непросто. Я сам как невролог сталкивался с подобным, поэтому был бы очень удивлен, если бы современные психиатры не страдали от тех же стереотипов, что и мой отец. Здесь стоит сказать и о социальном клейме, связанном с самим понятием психического заболевания. Непросто приходилось людям в прежние времена, когда психические болезни и психическое здоровье в целом были табуированными темами и рассматривались как слабость ума (чем они и были), а также как то, что возникло по вине самого пациента.

Мне посчастливилось познакомиться со многими из бывших пациентов моего отца или их родственниками, и все эти люди говорили о нем с благодарностью. Я слышал бесчисленное множество историй о том, как он спас жизнь пациента, его брак или даже жизни родителей. Я встречал множество врачей, которые проходили практику под его

руководством, и, хотя их можно обвинить в пристрастности, эти люди рассказывали, что многому научились у отца и что восхищались его методами работы и отношением к пациентам.

Всегда приятно слышать хорошие отзывы о своих родителях. Конечно, объективности ради, имело бы смысл послушать и тех врачей, которые были не согласны с его мнением. С другой стороны, было бы глупо убеждать себя в том, что на протяжении многих лет в профессии врач не ошибется и не просчитается. Я видел психически больных людей, которых мой отец и его коллеги лечили много лет назад, и они еще нуждались в терапии. Некоторые из них, узнав о том, что я его сын, высказались о его профессиональных недостатках. Даже с учетом тяжелых диагнозов понимание, что люди до сих пор нездоровы, несмотря на все старания отца, огорчает. Это также служит напоминанием о том, что даже самых больших наших усилий иногда бывает недостаточно.

С возрастом любые шероховатости при взаимодействии врача и пациента начинают восприниматься острее. Особую радость доставляет успешная консультация, во время которой чувствуешь, что общение было плодотворным, и надеешься, что изменил жизнь человека к лучшему. Кроме того, необходимо принять тот факт, что ни один врач не может рассчитывать на выздоровление всех, кто к нему обращается, а часть пациентов всегда будут чем-то недовольны.

9 ВСЕ ПРОБЛЕМЫ В ГОЛОВЕ?

Джессика слегка опоздала и прибыла в неврологическую клинику Мельбурна, где я тогда работал, в несколько взволнованном состоянии. Она была австралийкой, но при этом своими эксцентричными манерами и винтажной одеждой напомнила мне английскую актрису Хелену Бонем Картер. Мы встречались с ней только единожды, но наше общение произвело на меня неизгладимое впечатление. Эта тридцатидвухлетняя женщина заиклилась на мысли, что с ее правой — доминирующей — рукой что-то не так, и попросила терапевта выписать направление к неврологу.

Успокоившись, она объяснила, что проблема развивалась постепенно. Джессика любила рисовать и как-то во время работы над картиной заметила появление слабости в правой руке. Со временем ей стало трудно дотягиваться до верха больших холстов, размещенных на мольберте, а позже дошло до того, что она пыталась рисовать левой рукой. Несмотря на подобные неприятности, она всячески игнорировала проблему, но с прошлого декабря ситуация начала стабильно ухудшаться. С тех пор

прошло уже более шести месяцев, поэтому я спросил, почему она обратилась за помощью так поздно. После паузы женщина бросила мимолетный взгляд влево и сказала, что нет никакой особенной причины и вряд ли проблема столь серьезна.

Затем с моей стороны последовали обычные в такой ситуации вопросы о состоянии здоровья в целом, образе жизни и сопутствующих диагнозах, но никаких проблем обнаружено не было. Я спросил, есть ли в семейном анамнезе неврологические заболевания, такие как рассеянный склероз, болезнь Паркинсона или болезнь двигательного нейрона, и женщина замолчала.

— Я не знаю, — прошептала пациентка. — Мы не виделись с родственниками почти шесть месяцев.

В такие моменты я чувствую себя очень неуютно, словно навязываюсь. Никогда сразу не скажешь, поможет ли дальнейшее копание в семейных отношениях найти решение или создаст дополнительные трудности. Мы с родственниками поддерживаем очень тесные связи, и для меня важно понять причины, по которым семьи распадаются, и как людям удается жить без общения с близкими. Однако нередко можно увидеть таких людей, как Джессика, которые отделились от родителей, братьев и сестер на долгие годы. Иногда они даже не могут вспомнить первоначальную причину разрыва или не хотят говорить о ней врачу.

Я поинтересовался, желает ли Джессика продолжать этот разговор, и она снова замолчала. Ее взгляд еще раз метнулся влево, прежде чем она взглянула мне в глаза.

— Нет, доктор, я бы не хотела обсуждать эту тему.

Я внимательно осмотрел ее и не нашел никаких отклонений. Тонус, сила мышц и координация правой руки казались нормальными. Все рефлексy присутствовали на правой стороне тела в той же степени, что и на левой. Затем пришел черед проверки способности организма ощущать

прикосновения и выдерживать легкие болевые ощущения, но и здесь проблем не было. В случае с такой молодой женщиной, как Джессика, для невролога всегда важно исключить диагноз «Рассеянный склероз», но в этом случае ничто на него не указывало.

На мой вопрос, изучала ли она информацию в интернете перед тем, как прийти на прием, прозвучал ответ:

— Я не пользуюсь интернетом, доктор. Это не мое.

Услышанное показалось мне поразительным, но странным образом правдоподобным, учитывая ее диковинное поведение во время нашего разговора. Затем я заметил, как она в третий раз смотрит влево, в направлении левой руки, которая периодически подергивалась при этих взглядах.

— Прошу прощения, Джессика, скажите, пожалуйста, по какой причине вы время от времени смотрите влево?

Она вздрогнула.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Мне кажется, вы что-то не то домысливаете.

— Скажите, присутствует ли сейчас в вашей жизни стресс?

Бывают случаи — нечасто, — когда причиной проявления симптомов оказывается именно он.

Джессика снова посмотрела на свою левую руку, на этот раз слегка покраснев.

— Нет-нет. Никакого стресса. Ну, семейная ситуация, конечно, та еще, но я с ней смирилась.

Здесь я решил притормозить — слишком сильное давление с моей стороны могло все испортить. Я сказал, что нужно сделать несколько анализов крови и МРТ, но заверил женщину, что не обнаружил ничего плохого, и просто нужно удостовериться, что ничего не упущено.

— Сколько это будет стоить? — спросила она.

— О, это совершенно бесплатно. Именно для этого мы платим налоги, — убедил я ее.

Она посмотрела на свою левую руку, которую подняла к левому уху, и изобразила разговор с кем-то. Я смотрел на происходящее, словно в трансе, и ждал объяснений, но их не последовало.

— Не могу не спросить вас об этом. Джессика, что происходит? Что вы делаете с рукой?

— Я просто прошу у нее совета, стоит ли мне соглашаться на анализы и исследования.

Женщина встала, чтобы надеть куртку, и рука снова поднялась к уху, чтобы «заговорить» с ней.

— Что вы имеете в виду? Ваша рука разговаривает с вами?

— Нет, доктор, это, — она снова подняла левую руку, — мой ангел.

Я настоял на том, чтобы она села и все объяснила. Женщина прокомментировала, что последние шесть месяцев левая рука жила самостоятельной жизнью и стала ее ангелом-хранителем, который консультировал Джессику по всем житейским вопросам.

Человек казался совершенно адекватным в остальных отношениях, поэтому мне стало интересно, как и почему началось такое странное поведение.

— Случилось ли за последний год что-то, расстроившее вас?

Она заплакала и погладила левую руку правой. Ее отец, который проживал отдельно от семьи, явился в предыдущий сочельник после многих лет за границей, и на праздниках произошел ужасный скандал. В канун Нового года к ней пришла убежденность, что левая рука разговаривает с ней и помогает пройти через тяжелый период в жизни. Женщина не сочла это странным. Напротив, она находила большое утешение в своем недавно обретенном ангеле. Уверенность в том, что есть «кто-то», на кого можно положиться, успокаивала. В результате этой навязчивой бредовой идеи и появилось странное